

О. А. Пороль
Н. М. Дмитриева

Функционирование канонического и девиативного библейского текста в творчестве русских поэтов первой трети XX века

В статье рассматривается функционирование библейского текста в русской поэзии первой трети XX века. Библейский аспект при анализе художественных произведений позволяет определить смысловое пространство поэтической концепции автора. Анализ поэтических произведений обозначенного периода проведен в семантическом аспекте с применением поиска текстовых параллелей. Данный подход позволил выявить каноничное и девиативное восприятие библейского текста.

Ключевые слова: семантика, каноничный, девиативный, библейский текст, поэзия, русские поэты.

Исследование истории лексического состава русского языка не обойдено вниманием ученых. Огромное количество монографий, диссертационных исследований, статей, заметок адресовано описанию отдельных слов и групп, изучению лексико-семантического своеобразия языка писателей и их отдельных произведений.

Среди лингвистических дисциплин лексикология отличается необозримо большим количеством объектов изучения, и это не случайно, потому что каждое слово имеет свою особенную историю. Однако слово, реализуемое в речи, и его сочетаемость с другими словами (синтагматика) имеет определенную семантику. В соединении слов возможности языка неисчерпаемы. Активно начатое еще в советскую эпоху, в современной отечественной исторической лексикологии изучение лексико-семантического (реляционного) каркаса русского языка на современном научном этапе продолжается в работах Ю. В. Митиной, Ю.А. Шкуркиной, Р.И. Горюшиной, Е.А. Алексеевой, Н.Д. Арутюновой и др.

Среди актуальных исследований особенностей языковых процессов в художественных произведениях ведущее место принадлежит В.Н. Топорову, Ю.И. Левину, Ю.М. Лотману, Т.В. Цивьян, М.Л. Гаспарову, Р.Д. Тименчику, О.Г. Ревзиной, Ю.С. Степанову, Н.К. Соколовой, Н.А. Кожевниковой и др.

Однако все еще остается малоизученным подход к интерпретации художественных произведений, содержащих библейскую лексику. Е.М. Верещагин в работе «Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания» (2001) в главе «Показательный пример из современной поэзии» рассматривает влияние библейской лексики, библейских, гимнографических текстов, канонов и других сакральных произведений на отдельное художественное произведение [6, с. 547].

Рассматривая художественные тексты, содержащие библейскую лексику (и шире – текст), важно учитывать семантическое богатство церковнославянского языка, понимание которого часто помогает осознать малопонятные темы или сюжеты. Данный подход применяется не так часто, потому что требует от исследователя знания церковнославянского языка, семиотического анализа текста.

Библия – семантическое ядро всей европейской культуры, и русской в том числе. Церковнославянский язык является языком Библии, языком многочисленных сакральных славяно-русских текстов и русской классической литературы.

Цель настоящей статьи – показать специфику функционирования библейской каноничной и девиативной лексики в русских поэтических текстах.

Важно осознать, что при исследовании функционирования библейской лексики необходимо обращение к церковнославянскому языку, который многие поэты первой трети XX века, безусловно, знали.

В нашей работе под библейской лексикой понимается лексика, восходящая к тексту Библии. Лексика, заимствованная из текстов Св. Писания, была, несомненно, старославянской (церковнославянской). Библейская лексика в художественных поэтических текстах выполняла важнейшую смысловую функцию, играла роль «тематических ключей» (А.М. Камчатнов).

Так слово путь входит в лексический фонд христианской ценностной системы церковнославянского языка и зафиксировано в Полном церковнославянском словаре Дьяченко, на который ссылаются в своих работах такие маститые ученые, как Е.М. Верещагин и А.М. Камчатнов. Семантически путь многими поэтами первой трети XX века осознается как крест, что, несомненно, подтверждает осознание ими онтологической наполненности слова, содержащего следующие семантические доли:

- крест – спасение от всех бед:

Но руки их смелой рукою
Сложил я в спасающий крест
И вывел их верной тропюю
Из этих пугающих мест

(Ф. Сологуб «Какие-то светлые девы...»)

- единственно верный путь:

Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух <...>
Чтоб от света малых свеч
Длинный луч, как острый меч,
Сердце светом пронизал,
Путь неложный указал»

(А. Блок «Сочельник в лесу»)

- путь креста – прямой (ровный):

Пред Женихом < Христом > стезю содейлай ровной,
И путь в чертог полуночный исправь

(Вяч. Иванов «25 марта 1909»)

- крест как тяжесть предстоящего выбора:

Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?
(И. Бунин «На распутье»)

Читая стихотворение И. Бунина «На распутье» (1900), с первых же строк читатель погружается в атмосферу таинственного, чему во многом способствуют такие лексемы и устойчивые словосочетания, как «дикое древнее поле», «черный ворон», «крест», «бурьян», «старый щит». Словоформа «на распутье» семантически близка лексеме «крест»: именно находясь на жизненном распутье, человек зачастую обращается к «кресту», который на протяжении жизни несет каждый человек, обретая себя, осмысливая цель собственной жизни. Приведем текст стихотворения полностью:

На распутье в диком древнем поле
Черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
И в траве заржавел старый щит.

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед тебе готовит, и едва ли
Ты по нем воротиться домой.

Путь направо без коня оставит –
Побредешь один и сир и наг, –
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в незнаемых полях...»

Жутко мне! Вдали стоят могилы...
В них бывшее дремлет вечным сном...
«Отзовися, ворон чернокрылый!
Укажи мне путь в краю глухом».

«Дремлет полдень. На тропах звериных
Тлеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?

Где равнина дикая граничит?
Кто, пугая чуткого коня,
В тишине из синей дали кличет
Человечьим голосом меня?

И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...
Черный ворон сумрачно и важно,
Полусонный на кресте сидит.

В стихотворении И. Бунина «На распутье» упоминаемое слово «могилы» в мировоззрении поэта связано не только со смертью, но и с вечностью: «в них бывшее дремлет вечным сном...». Отметим, что слово «вечность», отсутствующее в словаре церковнославянского языка, в современном языке понимается как бесконечность, однако онтологичность семантики слова неоспорима.

Выражение «вечный сон», встречающееся в стихотворении И. Бунина, можно интерпретировать, как привычное выражение, однако оно само по себе уже восходит к понятию «вечность», так как это не «вечная смерть», а именно «вечный сон». К тому же общепринятое выражение «спать вечным сном» в тексте обозначено словом «дремлет». Крест, упоминаемый поэтом, мог быть также могильным, однако могилы стоят вдаль. Тем не менее, в пространстве одного стихотворения эти две лексемы встретились не случайно. Выстраивается проекция: Крест – могилы – вечный сон – вечность.

Образ распутья в тексте – это не только отголосок фольклорной традиции.

... Путь прямой
Много бед тебе готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.

В тексте Библии «прямым» называется путь истинный, праведный (антиномия – «лукавый» («лук», «излучина», «кривой»)). Естественно для славяно-русской традиции и то, что праведный путь всегда приносит много скорбей, «доставляет много бед» («И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мк, 13:13), «Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь» (Пс. 33:19).

«Путь направо» можно интерпретировать как синонимичный «пути прямому», когда лирический герой остается без коня и без всего, что у него было:

Путь направо без коня оставит
Побредешь один и сир и наг...

Эти мысли также созвучны Евангельским: первая – об одиночестве, оставлении всего земного ради небесного: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную (Мф, 19:5-6); «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания» (Мф, 10:9) и т.д.

А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в неизвестных полях...

Известно, что «левый путь» – путь лжи, неправды, поэтому и неудивительно, что лирического героя здесь ждет смерть. Человек, осознанно выбирающий неправедный путь, отказывается от Божьей помощи и защиты.

Лирический герой в стихотворении И.А. Бунина «На распутье», находясь перед физическим выбором, делает еще и выбор духовный, нравственный.

Предложенная нами интерпретация довольно свободная, она ни в коем случае не умаляет влияние именно фольклорных традиций, о которых часто

говорят литературоведы. Однако фольклорные традиции так или иначе часто основывались на каноничных славяно-русских.

Таким образом, семантическое поле лексемы «крест» в русских поэтических текстах первой трети XX века обширно, оно вбирает в себя земное бытие человека и восходит к вечности. Для словоупотребления слова «крест» характерны следующие смысловые доли:

«Крест – спасение от всех бед» (Ф. Сологуб).

«Крестный путь – как единственно верный» (И. Бунин, А. Блок).

«Путь креста – ровный» (А. Блок).

Однако каноничное понимание библейских истин в русской культуре постреволюционного времени часто сменялось вольным. В работе «О специфике функционирования библейских мотивов в произведениях русских писателей» (2006) нами было предложено понятие девиативного мотива – существенно отклоняющегося от оригинала или каноничного библейского текста [12].

Девиативная лексика содержится в большом количестве в текстах «новокрестьянской» поэзии, основанной на устном творчестве, тяготеющей к разговорному языку. Например, в поэзии Н.А. Клюева немного церковнославянской лексики, но частотны просторечные и редко употребляющиеся слова. Например, вёдренный – сухой, ясный; Егорий – Георгий Победоносец; мережа – рыболовная сеть и т.д. Однако присутствует отдельная онтологическая лексика или выражения. Например, библейское выражение «То свет непреступный – бессмертья печать» находится в контексте стихотворения о крестьянском быте:

Свет неприкосновенный, свет непреступный
Опочил на родной земле...
Уродился ячмень звездистый и крупный,
Румяный картофель пляшет в котле.

И, если для многих художественных произведений позднего символизма и акмеизма в большинстве случаев характерно гармоничное пространство, то для поэтов-футуристов и новокрестьянских поэтов, несмотря на наличие в их творчестве отдельных библейских элементов, характерна деструктивная модель бытия, реинтерпретация Библии.

Особенность реинтерпретации – в неожиданной интерпретации того, на что нас нацеливает главное предположение. Таким образом, основная задача реинтерпретации – разрушить главное предположение, вызвать удивление, эпатаж, что несовместимо с каноничным пониманием Библии, онтологичностью. Например, в стихотворении С. Есенина:

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист»

(С. Есенин «В том краю, где желтая крапива...»).

Словосочетание «сердцем чист» восходит к известной библейской заповеди: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Выражение: «Но и я кого-нибудь зарежу / Под осенний свист» коренным образом расходится с приведен-

ной заповедью и вступает в противоречие (не сочетается) с другой заповедью в библейском тексте: «Не убий». Иными словами, чистые сердцем не могут убить.

Однако, если в творчестве поэта одновременно сосуществовали две концепции бытия и в финале творчества доминировало функционирование библейской лексики, применяемой в каноничном контексте, как, например, в позднем творчестве Ф. Сологуба, тогда наряду с констатацией девиативного библейского текста (т.е. существенно отклоняющегося от канона), важно констатировать каноничную интерпретацию библейского текста. Для понимания мировоззрения художника важен заключительный этап его творчества

В различных воплощениях сологубовского «я» изображен не только лирический герой, воспевающий бытие, но спорящий с Богом и, одновременно (!), принимающий существующие законы бытия: «И поёт мне ветер вольный / Речью буйной, безглагольной / Про блаженство бытия» [13, с. 172]; «Я её не хочу и боюсь <о смерти>, / Отвращаюсь от злого лица / Чтоб её одолеть, я стремлюсь / Расширять бытие без конца» [13, с. 179]; «Я вижу вечную природу / Под неизбежной властью сил, – / Но кто же в бытие вложил / И вдохновенье и свободу?» [13, с. 200]. «Краток праздник бытия / Жизнь твоя и не твоя, – / Наслаждайся» [13, с. 209].

Отношение к Богу на протяжении всей жизни у Сологуба было разным. В поздней лирике осмысление святоотеческих истин по семантике близко ранним текстам поэта:

У тебя, милосердного Бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!

(«Расточитель ...», 1917)

Я люблю мою тёмную землю,
И, в предчувствии вечной разлуки,
Не одну только радость приемлю,
Но смиренно и тяжкие муки.

Ничего не отвергну в созданыи, –
И во всём есть восторг и веселье,
Есть великая трезвость в мечтаньи,
И в обычности буйной – похмелье.

(«Я люблю мою тёмную землю ...», 1896)

Традиционно в лингвистической научной мысли выделяют в языке парадигматику и узус. Парадигматика и узус русского и церковнославянского языков различны. Непонимание этого, стилистическая глухота (намеренная или нет) неизбежно нарушает смысловую традицию библейских истин. Известно, что Пушкиным была установлена взаимосвязь церковнославянского и русского языков в результате активного использования церковнославянской лексики (например, «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык»; «в животе и смерти Бог волен»; «в салазки Жучку посадив, Себя конем преобразив...» и т.п.) без изменения каноничного смысла библейских истин.

В художественных произведениях первой трети XX века в творчестве В. Маяковского, С. Есенина, Н. Клюева и некоторых других поэтов происходит разрыв традиции, выражающийся подчас в окончательном расторжении церковнославянского и русского языков. Иными словами, найденное и предложенное в творчестве А.С. Пушкина соотношение русского литературного и церковнославянского языков во многих поэтических текстах авангарда (футуризма), «новокрестьянской» поэзии теряется или отвергается. В творчестве этих поэтов обозначены отдельные мотивы, связанные с обрядовостью, церковным укладом, используется библейская лексика, но в основном употребляемая для обозначения человеческого, земного существования. Можно констатировать, что в подобных поэтических произведениях отсутствует библейский текст и его «каноничная интерпретация», но функционирует разговорный вариант отдельных библейских образов, фраз или выражений. Роль библейского текста «ограничивается», происходит искажение его значения. Библейская лексика и, следовательно, содержащиеся в ней смыслы начинают применяться не для описания внутреннего духовного состояния человека или высших форм бытия или инобытия (выражение М.М. Бахтина), но для описания внешней, земной жизни (человеческих чувств или отношений), что несомненно приводит к возникновению девиативного текста.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, события, факт / отв. ред. Г. В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. + 444 с.
3. Библия. – М., 1992. – 895 с.
4. Блок, А. Собрание сочинений: в 6 т. – Л. : Худ. литература, 1980-1983. – Том 1 : Стихотворения и поэмы. 1898-1906. – 512 с. ; Том 2 : Стихотворения и поэмы. 1907-1921. – 472 с.
5. Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 9 т. – М. : Художественная литература, 1967. – Том 1 : Стихотворения 1886-1917. – 595 с. ; Том 8 : Стихотворения 1918-1953. Переводы. – 471 с.
6. Верещагин, Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. – М. : Индрик, 2001. – 608 с.
7. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. – М. : Отчий дом, 2001. – 1120 с.
8. Иванов, В. Собрание сочинений: в 4 т. – Брюссель, 1979. – Т. 1. – 872 с. ; Т. 2. – 807 с. ; Т. 3. – 896 с. ; Т. 4. – 802 с.
9. Камчатнов, А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 668 с.
10. Клюев, Н. А. Изба и поле : избранные стихотворения. – Мурманск : Кн. изд-во, 2003. – 104 с.
11. Маяковский, В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. – М. : Художественная литература, 1969. – 736 с.
12. Пороль, О. А. О специфике функционирования библейских мотивов в произведениях русских писателей // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 11. – С. 71–76.
13. Сологуб, Ф. Стихотворения. – СПб. : Академический проект, 2000. – 680 с.
14. Кожевникова, Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М. : Наука, 1986. – 253 с.
15. Степанов, Ю. С. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов и связи с историей культуры / Ю. С. Степанов // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 23–45.
16. Тищенко, Р. Д. Текст в тексте у акмеистов // Труды по знаковым системам. – Вып. 14. Тарту, 1981. – С. 70–83.
17. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследование в области мифопоэтического : избранное. – М. : Прогресс. Культура, 1995. – 624 с.

The functioning of the canonical and deviative biblical text in the work of Russian poets of the first third of the twentieth century

The authors investigate the functioning of the biblical text in Russian poetry of the first third of the twentieth century. The biblical aspect in the analysis of literary works allows us to determine the semantic space of the author's poetic concept. The analysis of poetic works of the designated period is carried out in a semantic aspect using the search for text parallels. This approach revealed a canonical and deviative perception of the biblical text.

Key words: semantics, canonical, deviative, biblical text, poetry, Russian poets.

References

1. Arutyunova, N. D. Tipy yazykovyh znachenij: ocenka, sobytiya, fakt [Types of linguistic meanings: Assessment, events, fact] / resp. ed. G.V. Stepanov; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow: Nauka [Science], 1988. – 216 p.
2. Bakhtin, M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo [Art], 1986. – 444 p.
3. Bibliya [The Bible]. Moscow, 1992. – 895 p.
4. Blok, A. Sbranie sochinenij [Collected Works]: in 6 vols. Leningrad: Hudozhestvennaya Literatura [Fiction], 1980-1983. 1 vol.: Stihotvoreniya i poemy [Poems]. 1898-1906. – 512 p.; 2 vol.: Stihotvoreniya i poemy [Poems]. 1907-1921. – 472 p.
5. Bunin, I. A. Sbranie sochinenij [Collected Works]: in 9 vols. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura [Fiction], 1967. 1 vol.: Stihotvoreniya [Poems] 1886-1917. – 595 p.; 8 vol.: Stihotvoreniya [Poems] 1918-1953. Perevody [Translations]. – 471 p.
6. Vereshchagin, E. M. Cerkovnoslavyanskaya knizhnost' na Rusi. Lingvotekstologicheskie razyskaniya [Church Slavonic book writing in Russia. Linguistic-logical searches]. Moscow: Indrik, 2001. – 608 p.
7. Dyachenko, G. Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar' [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow: Otchiy Dom [Fathers' House], 2001. – 120 p.
8. Ivanov, V. Sbranie sochinenij [Collected Works]: in 4 vols. Brussels, 1979. 1 vol. – 872 p.; 2 vol. – 807 p.; 3 vol. – 896 p.; 4 vol. – 802 p.
9. Kamchatnov, A. M. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: XI – pervaya polovina XIX veka [The history of the Russian literary language: XI – the first half of the XIX century.] Moscow: Publishing Center «Academy», 2008. – 668 p.
10. Klyuev, N. A. Izba i pole : izbrannye stihotvoreniya [Izba and the field: Selected poems]. Murmansk: Publishing House, 2003. – 104 p.
11. Mayakovskiy, V. Stihotvoreniya. Poemy. P'esy [Poems. Poems. Plays]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura [Fiction], 1969. – 736 p.
12. Porol, O. A. O specifikhe funkcionirovaniya biblejskih motivov v proizvedeniyah russkih pisatelej [On the specifics of the functioning of biblical motifs in the works of Russian writers] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]. 2006. No. 11. – pp. 71 – 76.
13. Sologub, F. Stihotvoreniya [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt [Academic project] t, 2000. – 680 p.
14. Kozhevnikova, N. A. Slovoupotreblenie v russkoj poezii nachala XX veka [Word usage in Russian poetry of the beginning of the twentieth century]. Moscow: Nauka [Science], 1986. – 253 p.
15. Stepanov, Y. S. Neskol'ko gipotez ob imenah buk'v slavyanskikh alfavitov i svyazi s istoriej kul'tury [Several hypotheses about the names of letters of the Slavic alphabets and communication with the history of culture] // Voprosy yazykoznanija [Issues of linguistics]. 1991. No. 3. – pp. 23 – 45.
16. Timenchik, R. D. Tekst v tekste u akmeistov [Text in the text in the acmeists' writings] // Trudy po znakovym sistemam [Works on iconic systems]. Vol. 14. Tartu, 1981. – pp. 70 – 83.
17. Toporov, V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovanie v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image: Mythopoeitic research: Selected]. Moscow: Progress. Kul'tura [Progress. Culture], 1995. – 624 p.